

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ЧЖАН ЛИНЬЛИНЬ

**МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВА МИФОПОЭТИКИ
В РОМАНАХ А. БЕЛОГО И Е.И. ЗАМЯТИНА
(«ПЕТЕРБУРГ» И «МЫ»)**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Кольцова Наталья Зиновьевна,
Кандидат филологических наук

Официальные оппоненты:

Кихней Любовь Геннадьевна
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории журналистики и литературы
ОЧУ ВО «Московский университет
имени А.С. Грибоедова».

Соколов Борис Вадимович,
доктор филологических наук,
научный консультант ООО
Издательства «Вече»

Апалькова Елизавета Сергеевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
«Новейшей русской литературы и
литературы русского зарубежья»
ФГБУН «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской
академии наук»

Защита диссертации состоится «20» июня 2024 года в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovets@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3012>

Автореферат разослан « _ » _____ 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Художественное своеобразие романов «Петербург» Андрея Белого и «Мы» Евгения Замятина во многом отражает и одновременно формирует такую особенность русской культуры начала XX века, как взаимодействие литературы и науки. Авторы привнесли математику в саму литературу и, используя разнообразные художественные средства, выразили свои представления о законах мироздания. В произведениях писателей математическое мышление проявляет себя не только на уровне математической символики и образности, но и в уникальных способах организации художественного пространства. Математическое «поле» того и другого романа включает в себя как реальное, так и мнимое пространство, которые тесно связаны друг с другом. Более того, и Белый, и Замятин создают произведения по законам игры, предполагающей свободное перемещение между мирами – ноуменальным и феноменальным.

Актуальность представленной диссертации обусловлена тем, что современное литературоведение проявляет интерес к проблемам взаимодействия гуманитарного и естественного-научного знания, влияния на мировоззрение художника слова не только философии и психологии, но и математики, а также связанных с нею дисциплин. Изучение творческого наследия двух писателей с точки зрения литературного «освоения» ими математики позволяет приблизиться к постижению мировоззрения и, как следствие, поэтики двух виднейших представителей русского модернизма.

Объектом исследования является творчество Белого и Замятина. Выбраны наиболее репрезентативные романы писателей – «Петербург» и «Мы». **Предмет** настоящего исследования – математическое мышление как основа мифопоэтики в данных романах Белого и Замятина. Кроме того, в качестве *материала*, позволяющего в полной мере постичь концептосферу

двух писателей, привлекаются мемуары, критические статьи, а также переписка их современников.

Степень научной разработанности темы. В работе рассмотрены значимые для поэтики романа «Петербург» вопросы историко-литературного и теоретического характера, которые заостряются в работах таких авторов, как Н.П. Анциферов¹, С.А. Аскольдов², Н.А. Бердяев³, Л.К. Долгополов⁴, Вяч. Иванов⁵, Л.Г. Кихней⁶, Н.А. Кожевникова⁷, А.А. Колобаева⁸, Ю.М. Лотман⁹, Д.Х.К. Маджди¹⁰, В.М. Пискунов¹¹, А.О. Разумова¹², Л. Силард¹³, В.Н. Топоров¹⁴, Gleb Struve¹⁵, A. Hönig¹⁶, I. Brenzinger¹⁷, Janecek Gerald¹⁸, D. John¹⁹, A. Kovac²⁰, O. Maslenikov²¹, D. S. Von Mohrenschildt²², T.G. West²³.

¹ Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. 1924. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 87 с.

² Белый А. Pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология // Аскольдов С. Творчество Андрея Белого. СПб.: Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 499.

³ Бердяев Н. Кризис искусства. (Репринтное издание). М.: СП Интерпринт, 1990. С. 43.

⁴ Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Советский писатель, 1988. С. 8.

⁵ Иванов Вяч. Собрание сочинений II. Брюссель, 1974. С. 545.

⁶ Кихней Л.Г., Вовна А.В. Преломление «Петербургского мифа» в городском тексте романа Андрея Белого «Петербург» // Вестник КГУ. 2011. № 1. С. 132-139.

⁷ Кожевникова Н.А. Язык Андрея Белого. М.: Институт русского языка РАН, 1992. 256 с.

⁸ Колобаева Л.А. Русский символизм: монография. 2-е изд., доп. Москва.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. 352 с.

⁹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. Предисл. С.М. Даниэля, сост. Р.Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. С.89.

¹⁰ Маджди Д.Х.К. Своеобразие формирования и динамики «петербургского текста» в русской литературе.; Вовны А. В. Городской текст в романе Андрея Белого "Петербург": истоки и становление: дисс. ... канд. филол. наук. Москва., 2011. 181 с.

¹¹ Пискунов В.М. «Второе пространство» романа А. Белого «Петербург» // Вопросы литературы. 1987. №10. С. 127-155.

¹² Разумова А.О. Роман Андрея Белого «Петербург»: гносеологическая природа текстопорождения: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 223 с.

¹³ Силард Л. «Новая математика» и «философия математики» в Истории становления самосознающей души: Аспекты аритмологии и комбинаторики // Russian Literature, 2011.С. 139.

¹⁴ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство, 2003. С. 7.

¹⁵ Gleb Struve. Monologue Intérieur: The Origins of the Formula and the First Statement of Its Possibilities // Modern Language Association. Vol. 69, №.5. 1954. P. 1109.

¹⁶ Hönig Anton. Andrej Belyis Romane: Stil und Gestalt. München, 1965; Hindley L. Die Neologismen Andrej Belyjs. München, 1966.

¹⁷ Ingrid Brenzinger. Deviant language structures in Andrej Belyj's St. Petersburg. University of British Columbia. 1967. 205 p.

¹⁸ Janecek, Gerald. Andrej Bely: A Critical Review. Lexington: University of Kentucky Press. 1978. 222 p.

¹⁹ John D. Elsworth. Bely's Moscow Novels // Andrej Bely: A Critical Review. Lexington: University of Kentucky Press. 1978. Pp.127-134.

²⁰ Kovac, A. Introduction to Hönig's study of "Petersburg" by Andrei Bely // New Zealand Slavonic Journal. 1968. pp. 50-66.

²¹ Maslenikov. O. The Frenzied Poets: Andrej Biely and the Russian Symbolists. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1952. P.84.

²² Mohrenschildt. D.S. von. The Russian Symbolist Movement. Modern Language Association. 1938. P. 1205.

²³ West T.G. The Novel in Transition: A Study of J. K. Huysmans' A rebours, R. M. Rilke's Die Aufzeichnungen des

Существенное значение имеют исследования, касающиеся анализа «мифоматематики» Белого (таких авторов, как Л. Силард²⁴, М.Р. Хамитов²⁵, N. Giansiracusa²⁶, Е.І. Kosakowska²⁷, Ілона Svetlikova²⁸, А. Vasilyeva²⁹). Несмотря на то что отечественные и зарубежные исследователи достигли определенных успехов в своих научных изысканиях, в беловедении остаются лакуны. В частности, более глубокого рассмотрения заслуживает связь философских взглядов писателя с математической мыслью.

К исследовательским материалам, посвященным математическому мышлению Замятина, относятся труды Ю.А. Азарова³⁰, Е.В. Бороды³¹, Т.Т. Давыдовой³², К.В. Дьяковой³³, В.Н. Евсеевой³⁴, Н.З. Кольцовой³⁵, А.В. Мастихиной³⁶, Л.В. Поляковой³⁷, Л. Силард³⁸, Е.Б. Скороспеловой³⁹, Н.М. Солнцева⁴⁰, Н.А. Струве⁴¹, Ю.Н. Тынянова⁴², М.А. Хатямовой⁴³,

Malte Laurids Brigge and Andrej Belyj's Petersburg. The University of Manchester (United Kingdom). 1979. 509 p.

²⁴ Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.

²⁵ Хамитов М.Р. Парадоксы геометрии в романе А. Белого "Петербург". Выпускные квалификационные работы. НИУ ВШЭ. 2018. 113 с.

²⁶ Giansiracusa N, Vasilyeva A. From Poland to Petersburg: The Banach–Tarski Paradox in Bely’s Modernist Novel // arXiv: 1710.05659 [math.HO]. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/1710.05659.pdf> (Дата обращения: 05.03.2024).

²⁷ Kosakowska E.I. On the Crossroads of Science, Philosophy and Literature: Andrey Bely’s “Petersburg”. PhD. Columbia University. 2013. 267 pp.

²⁸ Svetlikova, Iлона. The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti–Semitism in Russian Symbolism. Springer, 2013. 184 pp.

²⁹ Giansiracusa N, Vasilyeva A. Mathematical symbolism in a Russian literary masterpiece. The Mathematical Intelligencer. 2018. 40 (2), pp. 2–11.

³⁰ Азаров Ю.А., Давыдова Т. О Замятине, термодинамике и энтропии // Новый мир. 1997. № 10. С. 242–244.

³¹ Борода Е.В. Итоговая реплика о Замятине: точка или бесконечный диалог? О монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника» // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 663–672.

³² Давыдова Т.Т. «Мы» Е. Замятина — роман-антиутопия // Е.И. Замятин: pro et contra... С. 389.

³³ Дьякова К.В. Своеобразие звукового пространства художественной прозы Е.И. Замятина: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 204 с.

³⁴ Евсеев В.Н. Художественная проза Е.И. Замятина: Творческий метод, жанры, стиль: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 380 с.

³⁵ Кольцова Н.З. Творчество Е. Замятина: проблемы поэтики. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 176 с.

³⁶ Мастихина А.В. Математика на страницах сказки «Алиса в стране чудес» // Международный школьный научный вестник. 2018. № 5. С. 423.

³⁷ Полякова Л.В. Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Издательский дом Державинский, 2022. 748 с.

³⁸ Силард Л. Андрей Белый и П. Флоренский (Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством) // Studia Slavica. Tomus 33. Fasciculi 1–4. 1987. С. 237.

³⁹ Скороспелова Е.Б. Замятин и его роман «Мы». М.: МГУ, 2002; Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция. М.: Флинта, 2005.

⁴⁰ Солнцева Н.М. Рец. на кн.: Полякова Л.В. Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 200–205.

⁴¹ Струве Н.А. Символика чисел в романе Е. Замятина «Мы» // Замятин Е.И.: pro et contra. С. 535–539.

⁴² Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды // Литературное сегодня. М.: Аграф, 2002. С. 402.

⁴³ Хатямова М.А. Метатекстовая структура романа Замятина «Мы» // Е.И. Замятин: pro et contra. С. 500–518.

M. Bayley⁴⁴, Brett Cook⁴⁵, N. Engelhardt⁴⁶, M.A. Grandy⁴⁷, A. Jenkins, J. John⁴⁸, W.J. Leatherbarrow⁴⁹, R. Maguire⁵⁰, N.S. Sutil⁵¹).

Научная *новизна* данной работы заключается в том, что математика как основа мировоззрения Белого и Замятина рассматривается как тема научного сопоставительного исследования мифопоэтики романов «Петербург» и «Мы». Устанавливая источники влияния математики на мировоззрение Белого и Замятина, мы обратились к математической теории Н.В. Бугаева, оказавшей непосредственное воздействие на мышление Белого и опосредованное – на мифопоэтику Замятина.

Целью диссертации является формирование представлений о влиянии математики на мировоззрение Белого и Замятина на основе анализа романов «Петербург» и «Мы» соответственно. Поставленная цель определила *задачи* исследования:

1. рассмотреть взаимодействие науки и литературы в культуре первой трети XX века;
2. выявить принципы «ризоматического» мышления авторов XX века, внесших вклад в формирование петербургского текста русской литературы;
3. проанализировать научную и критическую литературу с точки зрения математики в творчестве Белого и Замятина;
4. изучить функциональность заглавий художественного текста;

⁴⁴ Bayley M. Algebra in Wonderland. New York Times. March 7, 2010 (3). P. 3.

⁴⁵ Brett Cooke. Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's We // "Zamyatin's 'We': A Collection of Critical Essays, ed. and intr. by Gary Kern (Book Review). 1988. P. 157.

⁴⁶ Tubbs, Robert, Alice Jenkins, and Nina Engelhardt, eds. The Palgrave Handbook of Literature and Mathematics // Mathematics in Russian Avant-Garde Literature. Palgrave Macmillan, 2021. С. 121.

⁴⁷ Grandy M.A, Tuber S. Entry into imaginary space: Metaphors of transition and variations in the affective quality of potential space in children's literature // Psychoanalytic Psychology, 2009. 26 (3). Pp. 274.

⁴⁸ John J. White. Mathematical Imagery in Musil's Young Törless and Zamyatin's We. Duke University Press on behalf of the University of Oregon. 18 (1). 1966. pp. 74.

⁴⁹ Leatherbarrow, W.J. Einstein and the Art of Yevgeny Zamyatin // The Modern Language Review. 1987. 82(1), pp. 142–151.

⁵⁰ Maguire R., Malmstad J. The Legacy of «Petersburg»: Zamyatin's «We» // The Silver Age in Russian Literature: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990. Ed. by J. Elsworth. London; N. Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 185–193.

⁵¹ Sutil N.S. Theaters of the surd mathematical thinking and its influence on European avant-garde theater (1890–1980). University of Surrey. С. 39. [Электронный ресурс]URL: https://www.academia.edu/16376182/Theatres_of_the_Surd_the_impact_of_mathematical_thinking_on_avant_garde_theatre_1890_1980_ (Дата обращения: 17.03.2024).

5. рассмотреть математику как организующее начало системы персонажей в «Петербурге»;

6. рассмотреть связь математики и живописи и выявить логику проекции пространственных символов «Острова мертвых» А. Бёклина на композицию романа «Петербург»;

7. выявить связь аудиального и математического начал в «Петербурге»;

8. рассмотреть особенности «математического диалога» Белого и Замятина («Петербург» и «Мы»);

9. изучить преломление идеи мнимого пространства в романе Замятина «Мы»;

10. рассмотреть специфику «мифоматематического» языка Белого и Замятина в контексте категорий художественности в их романах.

На защиту выносятся следующие *положения*:

1. Математические идеи Н.В. Бугаева оказали непосредственное влияние на творчество Белого и опосредованное – на роман Замятина. Подчеркивается, что математическое мышление проявляется отнюдь не только на уровне конкретных конструкций – формул и уравнений. Для двух писателей математическое мышление – основа мировоззрения, что сказывается на образе мира, включающем в себя как реальное, так и мнимое пространство. В математике Белый и Замятин усматривали возможность метафизического объяснения изменений Вселенной.

2. В художественном мире Белого и Замятина «петербургский текст» выступает как воплощение мировой истории. Оба писателя воспринимают пушкинскую поэму как корень и начало подлинной истории и переосмысливают миф и историю Петербурга как динамичного пространства, постоянно создающего новые текстовые связи. При этом «петербургский текст» русской литературы прочитывается писателями под знаком математики.

3. Математика выступает как организующее начало системы персонажей

в «Петербурге». Математический подход к способам группировки персонажей, а также к видам психологического анализа восходит к учению пифагорейцев, взглядам Вяч. Иванова и Н.В. Бугаева о непрерывности и аритмологии. Система персонажей обнаруживает типологическое родство с парадоксом Банаха–Тарского.

4. Постулируются связи между математикой и музыкой и значение акустических образов в «Петербурге». Особое внимание обращено на математические символы или геометрические фигуры, связанные с акустикой. Акустический образ часто является тем первоначальным импульсом, которым предзаданы направление сюжетных линий, принципы группировки персонажей, а также способы психологического анализа – в том числе с помощью формирования особой звуковой «ауры» персонажа и даже города.

5. Белый использует алгебраические и геометрические символы для выражения метафизических философских идей в «Петербурге». Представления об обратной перспективе, изложенные Флоренским в его работах, соответствуют художественным открытиям Белого. В проекции пространственных символов «Острова мертвых» Бёклина на роман «Петербург» учитываются законы обратной перспективы, благодаря чему авторская «живопись» – способы создания картины города и мира – «пропущена» через геометрию.

6. Анализ «математического» диалога между Белым и Замятиным обнаруживает схожие аспекты в их мировоззрении. Высказывается предположение, что идея мнимого пространства оказывается ключевым фактором, объединяющим этих писателей и служащим математической основой их художественного мышления.

7. Оба писателя осознавали, что революция в научной мысли XX века непосредственно сблизила математику с метафизикой, и оба видели математику как основу мироздания. Замятин использовал математику

в качестве инструмента формирования образа города-государства и раскрытия внутренней жизни персонажей. Математическая символика позволяет читателям почувствовать связь математики и физических ощущений героев как Белого, так и Замятина, поскольку для них категории времени и пространства существуют одновременно в сфере ноуменального и феноменального.

8. У Белого и Замятина революция как явление социальной жизни, но одновременно и проявление законов мироздания, имеет метафизический смысл: революция, разрушающая всё, основанное на догме, ассоциируется с категорией «прерывности». Однако если у Белого можно обнаружить непосредственное обращение к теории Бугаева – аритмологии, то у Замятина – опосредованное, поскольку во многом именно роман Белого для Замятина стал проводником математических идей (или возможным примером того, как могут взаимодействовать научная и художественная мысль). Литература и математика (а также физика и другие области естественно-научного знания) оказывают взаимное влияние друг на друга: в творчестве Замятина важнейшие мифологемы Серебряного века обретают «математическую» окраску.

Методологической и теоретической основой диссертации является комплексный исследовательский подход, который включает в себя культурно-исторический, биографический, герменевтический и сравнительный методы. Исследования общеметодологического характера включают в себя труды А.Н. Бердяева, М.М. Голубкова, Вяч. Иванова, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, К.В. Мочульского, А.А. Потевни, В.П. Руднева, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, В.Б. Шкловского, Р. Штейнера. Междисциплинарный подход представлен работами Н.В. Бугаева, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Б. Кука, А.Ф. Лосева, Ф. Ницше, Пифагора, П.А. Флоренского.

Научная достоверность и обоснованность исследования обусловлена герменевтическим подходом ко всем анализируемым текстам, обращением к математическим и историко-литературным работам, использованием

биографического и литературного контекста.

Теоретическая значимость данной работы заключается в описании математической символики в романах Белого и Замятина, отражающей мировоззрение двух писателей и позволяющей выявить философские смыслы романов «Петербург» и «Мы». Опыт этой работы может способствовать изучению творчества других художников слова с междисциплинарной точки зрения.

Практическая значимость исследования в первую очередь заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы для дальнейшего научного изучения наследия Белого и Замятина и в курсах по истории русской литературы первой трети XX века.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в 4 статьях, 4 из них опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. На научных конференциях прочитаны доклады: 1) «Акустические образы в романе А. Белого “Петербург”» (XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва. 15 апреля 2022); 2) «К вопросу о диалоге искусств в прозе Андрея Белого (картина А. Бёклина «Остров мёртвых» и роман «Петербург») (Вторая научно–практическая конференция с международным участием «Литературное наследие Серебряного века: традиции, преемственность, актуальность», Министерство культуры Российской Федерации. Москва. Литературный институт имени А.М. Горького, 17 ноября 2022); 3) «К вопросу о роли математики в романах “Петербург” А. Белого и “Мы” Е. Замятина» (XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, 18 апреля 2023).

Диссертация прошла апробацию при защите НКР по теме «Математическое мышление как основа мифопоэтики в романах

Андрея Белого и Е.И. Замятина («Петербург» и «Мы»)) на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1 сентября 2023).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обоснована актуальность темы диссертационной работы, представлен обзор материалов, связанных с разной степенью изученности творчества Андрея Белого и Е.И. Замятина в России и за рубежом. Обозначены предмет, объект, материалы исследования. Определены цели, задачи, научная новизна. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Названы теоретико-методологические подходы, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости, структуре диссертации.

В первой главе, **«Математическое мышление как основа мифопоэтики в романах “Петербург” и “Мы”: теоретические и исторические аспекты»**, анализируется взаимодействие науки и литературы в культуре Серебряного века и преломление «петербургского текста» как воплощения «ризомного» мышления авторов в романах «Петербург» и «Мы».

В параграфе 1.1, **«Взаимодействие науки и литературы в культуре Серебряного века»**, рассматривается понятие монад и аритмологии Н.В. Бугаева. Термин «монадология», используемый Бугаевым для характеристики законов, управляющих миром – в том числе в социальной сфере, покрывает явления видимой и невидимой реальности. С точки зрения Бугаева, принципиальные изменения в науке, философии, искусстве и обществе происходят не столько согласно непрерывному прогрессу, или «поступательной» эволюции, сколько благодаря скачкообразному

движению, характер которого предопределен логикой прерывных функций. Иными словами, Бугаев переносит теорию аритмологии из математики в область психологии и социологии. Его ученик П. Флоренский, унаследовавший его теорию, подчеркивает: «В социальной сфере аналитик говорит о непрерывной эволюции, а аритмология – о мировых катастрофах, революциях, переворотах в индивидуальной и общественной жизни, о ритмической смене типов культур»⁵². Флоренский в основном изучает проблему пространства, позволяющую дать философское обоснование мироздания. Он полагает, что всякая плоскость имеет две стороны – «положительную» и «отрицательную», и последняя ассоциируется с областью мнимых величин. Однако, как подчеркивает этот ученик профессора Бугаева и собеседник его сына и ученика – Андрея Белого, «<...> переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя»⁵³. Концепция Флоренского подвергает коренному пересмотру соотношение реального и ирреального, феноменального и ноуменального. Нравственное сознание человека, онтология, геометрия и аритмология составляют основу мифопоэтики Белого и Замятина, определяя концептосферу и художественную образность их романов.

В параграфе 1.2, *«Петербургский миф как текстопорождающее пространство, предпосылка и реализация “ризомного” мышления XX века»*, выявляется специфика петербургского мифа. По мнению Топорова, петербургский текст обладает уникальной грамматикой и лексикой (ветер, туман, дождь), подобен производящей текст «машине», содержащей мифические гены реальности сверткста и внетекстовой эмпирической реальности. Подобный взгляд на сверткстовое единство Петербурга соответствует эстетическим принципам представителей и преемников

⁵² Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: act, 1914. С. 157.

⁵³ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М.: Лазурь, С. 50.

Серебряного века, законам мышления создателей двух анализируемых романов. Оба романа имеют «неуловимую» – на первый взгляд, но при этом весьма определенную – семантику и оказываются «всегда посреди, между вещей, интермеццо»⁵⁴.

В параграфе 1.2.1. *«Культурный фон “Петербурга” и ризомное мышление автора»*, обосновывается правомочность рассмотрения модернистского романа в свете концепции ризомы, традиционно распространяемой прежде всего на культуру постмодернизма. В мире ризомы «идет игра с “мерцающими смыслами” в виде аллюзий, реминисценций, метафор и др., и происходит “сборка” новых смыслов, обеспечивающая динамику текста»⁵⁵. Однако подобный «внеструктурный», нелинейный способ организации мира и текста, безусловно, не является завоеванием постструктурализма или постмодернизма, но выступает одним из вневременных законов мироздания – в частности, зримо и наглядно проступающим в рационалистически выстроенном Петербурге, который, однако, построен на болоте, что и придает городу призрачный, туманный характер и уязвимость для наводнений. Таким образом, противоречие между «вертикалью» мысли Петра–создателя и «горизонталью» (ризомой) природы укоренено в самой истории Петербурга – и Белый воссоздает конфликт, положенный в основу пушкинской поэмы, показывая, что он выходит на поверхность вновь и вновь: не случайно в романе неоднократно встречается описание бурлящей Невы. Столь же неслучайны детали и образы, мотивы и фабульные наметки поэмы «Медный всадник», аллюзии на которую рассыпаны по тексту романа. Белый предлагает математическое прочтение петербургского мифа. А.Ф. Лосев (преемник, что немаловажно, П. Флоренского⁵⁶) полагает, что лишь на первый взгляд значение символа

⁵⁴ *Свирский Я.И.* «Сложностное мышление» в контексте философских стратегий Ж. Делёза и Ф. Гваттари // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 1. 2012. С. 37—44.

⁵⁵ *Синельникова Л.Н.* Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. М.: РУДН, 2017. № 4 (21). С. 808.

⁵⁶ Алексей Федорович Лосев был младшим современником П. А. Флоренского. Причем не только лично знал отца Павла, как он его всегда называл, но и считал себя его учеником. См.: Флоренский по воспоминаниям

Медного Всадника у Пушкина не имеет математического смысла, поскольку после внимательного изучения мы обнаруживаем, что «этот Медный Всадник только потому и является у Пушкина символом, что он оказывается общим законом для возникновения бесчисленного количества отдельных единичностей»⁵⁷. «Петербургский текст» глубинно связан с математикой благодаря как городской планиметрии, так и самой идее «мнимости» самого «умышленного», по словам Достоевского, города русской истории – и не случайно эта тема «мнимости» наиболее полное воплощение и теоретическое обоснование получила в художественных произведениях писателей-математиков. Обращаясь к «первоисточнику», Белый и Замятин рассматривают город, с одной стороны, как то, что связано с ощущениями, с другой стороны, как продукт математических формул и геометрических фигур. Таким образом, в художественных текстах соотносятся феноменальное и ноуменальное.

В параграфе 1.2.2, *«Воплощение ризомного мышления “петербургского текста” в романе Е. Замятина “Мы”*», доказываем, что Замятин ориентируется на художественно-научное мышление Белого, но также выражает свои собственные суждения о судьбах человечества с помощью обращения к традиции «петербургского текста» в романе «Мы». Уже у Белого Петербург представлен не столько как реальный город, сколько как порождение праздной «умственной игры» или некая трансцендентальная сущность, проникшая в реальность из-за пределов сознания. Замятин, перенося время действия романа в будущее и лишая себя таким образом возможности прямо указать на «петербургский адрес» города будущего, дарит

Алексея Лосева // Контекст 1990: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1990. С. 6.

⁵⁷ Именно единения научной и художественной мысли ищет Лосев. Он задается вопросом о том, «где же в науках дано точнейшее изображение той или иной общности в виде ее бесчисленных воплощений, но таких, которые не возникают как-нибудь случайно, но все охвачены единым законом своего возникновения». Здесь Лосев наталкивается «на такие математические конструкции, как разложение функции в бесконечный ряд или как извлечение иррационального корня. Подобного рода математические конструкции нужно считать только моделями, только идеальными первообразами, только принципами действительности, а не самой действительностью». См.: Лосев А.Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство, 1976. С. 16–17.

читателю ряд подсказок. В сильной позиции оказывается сцена «Медного всадника», которую «разыгрывают» Благодетель и нумера. «Как и Медный всадник Пушкина, Благодетель является хозяином города-государства, оплотом и самым воплощением государственности и порядка, жестокой рассудочности», – пишет Н.З. Кольцова⁵⁸. Противостояние пушкинской статуи и человека осмысливается в традициях не только Белого, но и всей культуры Серебряного века с ее центральной мифологемой-антитезой «аполлонического-дионисийского». У Замятина последняя преобразуется в миф о борьбе энергии и энтропии. Именно на этом уровне «Мы» вторит «Медному всаднику», появление Медного Всадника – «вторжение в реальность высших мистических сил, производящих необратимые, непостижимые и гибельные для человека метаморфозы окружающего мира»⁵⁹. Для петербургского мифа, как отмечает В. Топоров, важен и мотив взаимодействия и противостояния двух миров – культуры и природы, и потому пейзажные детали получают особое художественное наполнение. В романах «Петербург» и «Мы» оба автора используют образ солнца как важный символ состояния мира и человека – и в этом, безусловно, проявляется традиция Достоевского, отмечающего с помощью этого образа-символа «пиковые» ситуации и во внутренней жизни героев, и в социальной сфере. Психологический, социальный, метафизический планы романов «сходятся» в некоторых точках-узлах, имеющих историко-культурную предысторию (петербургский текст, или миф), но получающих в романах двух писателей предельную математическую (и геометрическую) «наглядность».

Во второй главе, «*Математика как основа мифопоэтики в романе “Петербург”*», рассмотрена функциональность заглавий в тексте, математика как организующее начало системы персонажей в «Петербурге», связь

⁵⁸ Кольцова Н.З. Роман «Мы» и «петербургский текст» русской литературы // Творчество Е. Замятина: проблемы поэтики. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 105-106.

⁵⁹ Ли Хюн Сук. «Медный всадник» А.С. Пушкина в контексте романа Андрея Белого «Петербург» (к проблеме интертекстуальности). 1998. [Ссылка] <https://proza.ru/2014/01/13/1577>].

в романном пространстве математики, музыки и живописи.

В параграфе 2.1, «*Функциональность заглавий в романе А. Белого “Петербург”*», показано, что у Белого методу разъятия, анализа (членения) подвержено и само слово «Петербург», вынесенное в заглавие романа. Для математика явления деления (анализа) и умножения, интегрирования (синтеза) неразрывно связаны друг с другом. По словам В. Топорова, Петербург существует в «лиминальном» состоянии, его «бездна» (характер города) выражается через телесные ощущения населяющих его жителей. Особое восприятие тела, отличающее главных героев романа «Петербург», тесно связано с опытом восхождения Белого на пирамиду (физиологическое ощущение, переходящее в моральное чувство «вывернутости» наизнанку). Звук *у* в заглавии «Петербург» связан с именем героя Аполлона Аблеухова и выступает как точка пересечения внутреннего мира и мира внешнего. В этой точке искривляются время и пространство: благодаря «мозговой игре» Аблеухов попадает в область онтологии, в «изнаночный» мир мнимых величин.

Кроме того, художественная «практика» Белого по превращению города в «точку», а по сути в математический символ, перекликается с идеями пифагорейской школы и учением Декарта. Стремление Декарта понять мир с помощью интуиции и дедуктивных рассуждений также отражено в образе главного героя романа Белого.

В параграфе 2.2, «*Математика как организующее начало системы персонажей в романе А. Белого “Петербург”*», предпринимается попытка доказать, что математика является не только одним из ключей к постижению концептосферы романа «Петербург», но и основой его поэтики – в том числе персонажной сферы. Единство композиции («хаотичной» на первый взгляд) определяется именно математическим подходом к группировке персонажей и к видам психологического анализа. Прием «мозговой игры», казалось бы, дает автору полную свободу, однако на самом деле является тщательно

продуманной системой. «Петербург» – это неомифологический роман, о чем свидетельствует ориентация на новые представления о мифе, на новое прочтение самого явления мифа в XX веке. Так, автор использует принцип бинарных оппозиций как основу построения системы персонажей: один «прагерой» разделяется на двойников. Философские идеи Вяч. Иванова, как было отмечено, восходят к учению пифагорейцев и их толкованию монады и диады как сущности Аполлона и Диониса и соотносятся в «Петербурге» с научными открытиями профессора Н.В. Бугаева (в т.ч. аритмологией, учением о «непрерывности» и «прерывности»). Интерес Белого к категориям единичности и множественности типологически близок и другим областям математического знания, в частности к парадоксу Банаха–Тарского. Как считают Ной Джансиракуса и Стася Васильева⁶⁰, образ Петербурга в романе Белого подобен рою маленьких неразличимых объектов, т.е. облаку точек. Когда расширяющиеся сферы распадаются на разные части, клубящиеся «точечные» облака, они превращаются в «бесконечное пространство».

В параграфе 2.3, «*О связи математики и музыки*», показана математика, которая «зазвучала», материализовалась в музыку. У Белого каждое произведение (и не только стихотворения) написано в уникальном стиле, для достижения этой цели требуется ритм – особая качественная и количественная категория, исследовать которую можно, опираясь на математический подход. Для Белого «ритм есть развертывание аритмологической композиции, как диалектики, в линии времени»⁶¹.

В параграфе 2.3.1. «*К вопросу о связи аудиального и математического начал в романе А. Белого «Петербург»*», рассмотрена связь математики и музыки и композиция акустического образа. Важное место в романе

⁶⁰ Giansiracusa N, Vasilyeva A. From Poland to Petersburg: The Banach–Tarski Paradox in Bely’s Modernist Novel // arXiv: 1710.05659 [math.NO]. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/1710.05659.pdf> (Дата обращения: 05.03.2024).

⁶¹ Белый А. Фрагмент первой редакции «ритма как диалектики» // Белый А. Собрание сочинений. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование / Сост., послесл. и коммент. Д.О. Торшилова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. С. 290.

занимают математические символы или геометрические фигуры, связанные с акустикой. Белый интерпретирует комплексы, составленные из звука, числа и линии как «семантические примитивы»: идеи пифагорейцев, абсорбированные теорией Вяч. Иванова, оказали влияние на замысел романа, в котором на передний план выдвигается смысловая роль имен персонажей, ономастопеи. Полифоническая картина мира воссоздается не только соотношением фабульных схем и мотивов, но и повторением слогов и звуковых комплексов.

В параграфе 2.4, «*О связи математики и живописи*», рассмотрено актуальное для понимания мифопоэтики Белого взаимовлияние математики и живописи – или присутствия у них некоего общего «кода», не ограничивающегося областью геометрии. Важнейшим способом организации картины мира для Белого выступает принцип обратной перспективы П. Флоренского. «Мозговая игра» персонажей сочетается с особыми свойствами оптики романа, соединяющей обычное телесное зрение и интроспективное видение.

В параграфе 2.4.1, «*Пространственные символы “Острова мертвых”*»⁶² *А. Бёклина в романе “Петербург” А. Белого*», предпринимается попытка доказать, что роман выстроен с оглядкой на одну из самых известных картин Бёклина – художника, о котором Белый не раз рассуждал в своих критических статьях⁶³. Исследование структурных элементов ландшафта романа Белого в соотношении с пространственными координатами и символическими образами картины А. Бёклина «Остров мертвых» позволяет предположить,

⁶² В тексте речь идет о варианте картины Арнольда Бёклина «Остров мертвых» 1883 года. Всего Бёклин создал шесть вариантов картины. Все они развивают мрачную тему «послесмертия», но только на картине 1883 года присутствует мягкий свет. Хотя солнце скрыто, оно все еще есть. Эта картина выражает оппозицию между жизнью (светом) и смертью (тьмой).

⁶³ В книге статей «Символизм» (1910) Белый подчеркивал: «<...> мы касаемся идейности искусства... с точки зрения формы и содержания» а в разделе «Формы искусства» отмечал: «<...> в “Острове мертвых” А. Бёклина нас поражает соответствие между фигурой, замкнутой в белую одежду, скалами, кипарисами и мрачным небом. Этим выбором только определенных предметов выражается стремление выразить нечто однородное». См.: *Белый А. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей. Общ. ред. В.М. Пискунова. М.: Культурная революция; Республика, 2010. С. 138.*

что в романе используется «инструментарий» швейцарского художника: «обнажаются» приемы цветописи и светописи, техника обратной перспективы. Кроме того, микросюжеты тумана, паруса и Медного всадника подаются в романе как «картинки с движением», благодаря чему визуальные образы–символы плавно «перетекают» друг в друга, образуя единое целое, что отвечает стремлению автора воспроизвести объемную мифопоэтическую модель мира, основанную на единении макрокосма и микрокосма, природы и человека.

В романе «Петербург» шпиль не только является связующей линией, протянувшейся от города к небу, но и составляющей символики креста: в функции горизонтали выступают прежде всего Нева и городские улицы – петербургские «линии». Положение шпиля позволяет передать визуальные впечатления с разных сторон, что также является особенностью обратной перспективы. По мнению Флоренского, обратная перспектива показывает явление невидимого мира в другом, обратном измерении. Его структура связана с особенностями психологии зрительного восприятия и имеет метафизическое значение. В «Петербурге» герои и повествователь (подчас превращающийся в рассказчика, находящегося рядом с персонажами) смотрят на шпили с разных сторон, что позволяет автору создать объемную, поистине стереоскопическую картину города, а также – и это, может быть, важнее для постижения самой природы Петербурга – увидеть его и извне, и изнутри, и даже сверху – с высоты «астрального» измерения, что коррелирует с оптикой Бёклина.

В третьей главе, *«Математический “диалог” А. Белого и Е. Замятина»*, выявляются предпосылки и «последствия» (особенности художественной реализации) общих алгоритмов построения мифопоэтической картины мира в романах двух писателей.

В параграфе 3.1, *«Мировоззренческие истоки мифоматематики А. Белого и Е. Замятина»*, изучается влияние математического мышления

Белого на Замятина. В романе «Мы» «мифоматематика» также проявляет себя на всех уровнях поэтики, заданных специфическим мышлением писателя-математика. Так, психологический сюжет романа раскрывается как благодаря устойчивому в петербургском тексте мотиву двойничества, так и с помощью обращения к различным областям математики (математических дисциплин – от алгебры и геометрии до математического анализа). Духовное воскрешение главного героя Д-503 связано не только с персонажами I-330, Ю, О-90, но и с R-13 и S-4711. Под руководством R-13 и S-4711 в душе Д-503 пробуждаются «неэвклидовы» мысли. Образ Д-503 противоречив, в нем присутствуют черты и Диониса, и Аполлона. Личность Д-503 символизирует двойственность не только человека как такового, но и, возможно, «еретичество», «скифство» русской души, что отвечает представлениям писателя об особенностях русского национального характера. По мнению О.Н. Кудрявцевой, «Е.И. Замятин утверждал равенство телесной и духовной сущностей человека. Если духовное у писателя ассоциировалось с христианскими нормами морали, то телесное начало русского человека связано с языческими традициями древних славян»⁶⁴.

В параграфе 3.2, *«Преломление идеи мнимых пространств в романе “Мы”»*, изучается главный фактор мировоззрения Замятина – идея мнимого пространства. В Едином Государстве математика воспринимается как первооснова, сердцевина, сама суть Вселенной. Д-503, правоверный гражданин, смотрит на все сквозь призму математики – и выбор такого типа героя для писателя далеко не случаен, поскольку помогает выйти за пределы банального, нехитрого, но в корне неверного противопоставления искусства и науки. Математик для Замятина – художник в той же степени, что и поэт, и автору важно создать такую «систему уравнений», решение которой не требовало бы выхода за пределы заданного количества неизвестных. Иными словами, математика, слово, цвет, музыкальные аллюзии формируют

⁶⁴ Кудрявцева О.Н. Художественная феноменология Е.И. Замятина: нравственно-религиозный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. С. 24.

неомифологическую картину мира, созданную автором, – и концентрированным выражением авторской мифопоэтической мысли становится героиня, в образе которой воплотился «Прометеев дух» эпохи.

Появление I-330 становится завязкой как внешнего, так и внутреннего (психологического) конфликтов романа. Чтобы разгадать тайну «иррационального члена» (как характеризуется героиня I-330), герою необходимо выйти за пределы арифметики, войти в пространство высшей математики, войти в Древний Дом. При рассмотрении «карты» романа выясняется, что Древний Дом расположен в начале координат (0,0) и представляет собой комплексную плоскость, состоящую из действительной и мнимой частей. Здесь Д-503 сталкивается с «изнанкой» мира и его тело и психология также претерпевают огромные изменения. Древний Дом предстает в тексте как искривленное пространство, которое становится «двойной плоскостью», описанной Флоренским. Герой попадает в другой мир через шкаф, коридоры и ступени, символизирующие «переход» Д-503 из одного состояния в другое. Художественные открытия Замятина обнаруживают типологическое родство с работой Флоренского «Мнимости в геометрии», в которой космология Данте рассматривается как наглядная картина трансцендентного мира. Проанализировав траекторию пути Вергилия и Данте в Чистилище, Флоренский предположил, что этот «маршрут» пролегает по области не только реального, но и мнимого пространства. Для Флоренского образ мира, созданный воображением Данте, становится символическим выражением пространственного, географического мышления. В этом мифопоэтическом антично-средневековом пространстве вся материя «преобразована» в своего рода проекцию мысли. В романе «Мы» образ Древнего Дома предстает и как символ двойственности мира (или область т.н. комплексных чисел⁶⁵, включающих в себя не только вещественные числа,

⁶⁵ Комплексные числа можно представить на плоскости с прямоугольной системой координат: числу $\{z=x+iy\}$ соответствует точка плоскости с координатами $\{x,y\}$. Такая плоскость называется комплексной. Вещественные числа на ней расположены на горизонтальной оси, мнимая единица изображается единицей на вертикальной оси. См.: Энциклопедия элементарной математики. Акад. пед. наук РСФСР; под ред.

но и мнимую часть i – квадратный корень из -1), и как «код», проясняющий тайный смысл происходящего с главным героем.

Анализ «математического» диалога Белого и Замятина позволяет обнаружить много общего в мировоззрении писателей, и одним из главных факторов, объединяющих двух художников слова, выступает идея мнимого пространства как математическая основа их художественного мышления.

В параграфе 3.3, *«Математика как основа художественного мышления: к вопросу о соответствиях между романами “Петербург” А. Белого и “Мы” Е. Замятина»*, показано, что в романах двух писателей математика выражается не только в рефлексии главных героев, но и в том, как они смотрят на мир. Замятин, как и Белый, соотносит математику с телесными ощущениями человека, благодаря чему обнаруживается типологическое родство романов русских писателей с теми произведениями западных авторов, которых занимала проблема взаимодействия математической мысли и литературы, – прежде всего с «Алисой в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

В Заключении представлены итоги исследования.

Исследование «математического диалога» Замятина с Белым обнаруживает не только содержащиеся в их главных романах математические идеи, но и динамический подход к проблемам жизни и искусства. Два ярчайших представителя русского модернизма в своем творчестве не просто соотнесли, но дерзко «объединили» такие разноприродные, казалось бы, понятия, как литература, математика, революция, индивидуальность и свобода, приблизили современников и последователей к постижению такого явления, как «петербургский текст», поместив его в метафизическую перспективу для рассмотрения вечных вопросов. Литература и революция – понятия и явления. Однако самое главное, пожалуй, заключается в том, что Белый и Замятин попытались создать модель научного пространства в тексте,

чтобы выразить стремление людей к новой науке в тот период, целью которого было найти смысл в пред- и постреволюционной реальности.

Итак, взаимодействие литературы и науки в культуре первой трети XX века оказало значительное влияние на формирование нового типа романного повествования. Безусловно, корни поэтики двух романов лежат в петербургском мифе, который, однако, подвергается радикальному переосмыслению. Город, созданный гением Белого, совмещает в себе черты ноуменального и феноменального Петербурга: реальность кажется зыбкой, неверной, призрачной, это поистине трансцендентная субстанция, превосходящая сознание и проникающая в реальность. Художественный опыт Белого, несомненно, оказал решающее воздействие на Замятина, предопределив концептосферу и поэтику его главного произведения. Для замятинского «Мы» в той же степени, что и для «Петербурга» Белого, характерно взаимопроникновение реального и сверхъестественного миров. Традиционные «петербургские» сюжеты и поистине архетипические образы и мотивы русской культуры подвергаются «математическому» переосмыслению. Разумеется, мифопоэтика Белого и Замятина не сводится исключительно к математическому коду, но игнорировать его – как саму основу мышления писателей-математиков – не представляется возможным даже при рассмотрении евангельских, античных, историко-культурных аллюзий. Так, Белый пытается поместить противопоставление отца и сына в культурный контекст и доказать, что не только столкновение, но и своего рода «чередование» двух начал – Аполлона и Диониса – является движущей силой истории. Как только культура устанавливает баланс между ними, она становится статичной и догматичной. И революция может разрушить догматизм. Непрерывное развитие уступает место «разрывам», как учит аритмология. Подобную закономерность выявляет и Замятин, апеллирующий к математике, доказывающей, что в мире нет ничего постоянного, неизменного, окончательного.

Таким образом, неомифологическое мышление художника ⁶⁶ XX столетия базируется отнюдь не только на собственно мифах – древних, историко-культурных ⁶⁷, но и на научном знании, которое удивительным образом питает воображение, творческую мысль создателей текста.

*

Основные положения исследования отражены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Чжан Линьлин*. Математика как организующее начало системы персонажей в романе Андрея Белого «Петербург» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 1. С. 168–179 (импакт-фактор: 0.203).

2. *Чжан Линьлин*. К вопросу о связи аудиального и математического начал в романе А. Белого «Петербург» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 11-2. С. 183-186 (импакт-фактор: 0.092).

3. *Н.З. Кольцова, Чжан Линьлин*. Пространственные символы «Острова мертвых» А. Бёклина в романе «Петербург» Андрея Белого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 2. С. 155–165 (импакт-фактор: 0.203).

4. *Чжан Линьлин*. Восприятие работ А. Белого в Китае // *Litera*. 2024. № 3. С. 31-39 (импакт-фактор: 0.202).

⁶⁶ В.П. Руднев пишет: «Вообще понятие модернизма тесно связано не только с искусством, но и с наукой и философией <...> Нельзя не считать проявлениями модернизма в культуре XX в. такие ключевые явления, как психоанализ, теорию относительности, квантовую механику, аналитическую философию, структурную лингвистику, кибернетику и нельзя не считать модернистами Зигмунда Фрейда, Карла Густава Юнга, Альберта Эйнштейна <...> Для модернизма понятие реальности растворялось в аллюзиях, реминисценциях, в зеркальных отображениях одного в другом – и фундаментальным становилось понятие текста, который, обрастая цитатами, аллюзиями и реминисценциями, превращался в интертекст». См.: *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. С. 178.

⁶⁷ Е.М. Мелетинский полагает, что «миф является средством концептуализации мира — того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф — продукт первобытного мышления <...> мифы творения в древние времена, мифы этиологические, космогонические, антропогонические являются мифами классическими». См.: *Мелетинский Е.М.* Мифологическое мышление. Категории мифов // От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2000. С. 24-26.